

Николаева Нина

А. Г. Венецианов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н67

Н67 **Нина Н.**
А. Г. Венецианов / Николаева Нина – М.: Книга по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-99734-8

ISBN 978-5-519-99734-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

**АЛЕКСѢЙ ГАВРИЛОВИЧЪ
ВЕНЕЦІАНОВЪ.**

Прадѣдъ Венеціанова, грекъ, дворянинъ Федоръ Венеціано, переселился въ Малороссію (на купленный въ Нѣжинскомъ уѣздѣ хуторъ) въ тысяча семьсотъ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ. Отецъ художника, внукъ Федора Венеціано, Гав-

ріилъ Юрьичъ (родившійся въ 1752-омъ г.) прїѣхалъ въ Москву, приписался здѣсь въ купцы второй гильдіи и сталъ торговать плодовыми деревьями и ягодными кустами. Онъ купилъ домъ на Воронцовой улицѣ на Таганкѣ (домъ этотъ сгорѣлъ въ пожарѣ 12-го года), и здѣсь 12-го февраля 1780-го года родился у него первый ребенокъ, сынъ—Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ. О дѣтствѣ Алексѣя Гавриловича нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Можно думать, что оно прошло въ мирной и уютной обстановкѣ и что семья его была довольно зажиточна. Учился мальчикъ въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ, а по окончаніи его поступилъ на службу въ Лѣсной департаментъ, въ качествѣ земле-мѣра. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1794-ый годъ находится нѣсколько публикацій о продажѣ въ домѣ Венеціановыхъ картинъ и пріема заказовъ на нихъ. Это объявленіе указываетъ, что Венеціановъ довольно рано началъ заниматься живописью. Однако, въ это время онъ былъ только любителемъ и не имѣлъ еще

представленія о силѣ и значеніи искусства, а также о размѣрахъ собственнаго дарованія. Первымъ толчкомъ къ серьезному занятію искусствомъ послужила для Венеціанова поѣздка въ Петербургъ. Онъ отправился туда по дѣламъ службы въ 1807-мъ году, и тамъ его глубоко поразили произведенія иностранныхъ художниковъ, собранныя въ Эрмитажѣ. Копируя ихъ пастелью, Венеціановъ скоро замѣтилъ, что ему недостаточно того технического умѣнія, которое онъ имѣлъ, и что ему нужно учиться. Онъ нашелъ себѣ учителя въ лицѣ знаменитаго портретиста того времени. Боровиковскаго, который случайно встрѣтилъ Венеціанова въ Эрмитажѣ, гдѣ этотъ послѣдній работалъ. Боровиковскій заинтересовался молодымъ художникомъ и пригласилъ его въ свою мастерскую. Будучи большимъ мастеромъ живописи, онъ научилъ Венеціанова писать масляными красками. Черезъ нѣсколько лѣтъ работы подъ руководствомъ учителя, Венеціановъ почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что въ 1811-омъ году подалъ въ Академію

Художествъ прошеніе о предоставленіи ему званія академика. Совѣтъ Академіи далъ ему лишь званіе кандидата и предложилъ, въ видѣ испытанія, написать портретъ инспектора Головачевского. Портретъ, въ которомъ художникъ изобразилъ Головачевского окруженнымъ воспитанниками, былъ написанъ удачно и званіе академика Венеціанову было дано.

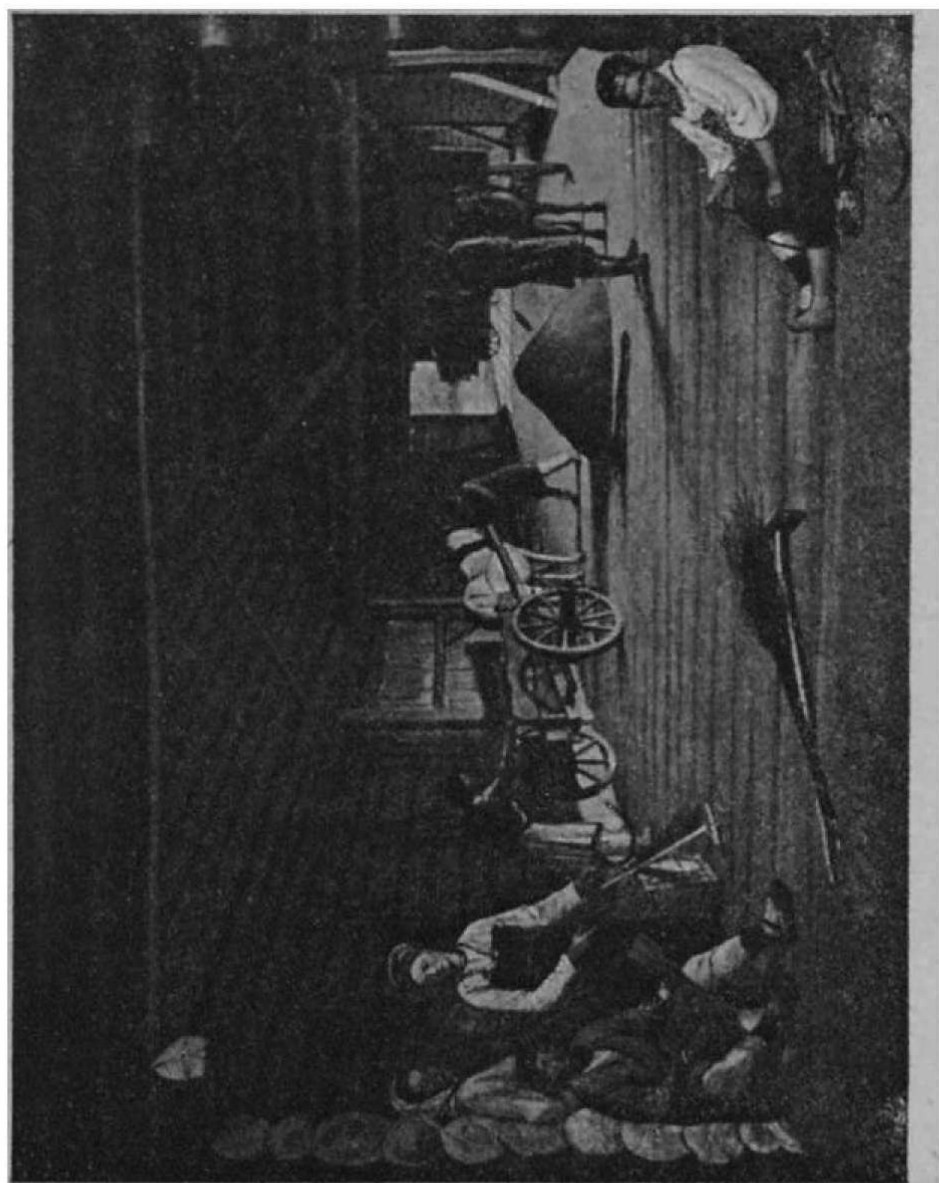
Боровиковскій, занимаясь со своимъ ученикомъ техникой живописи, предоставилъ ему полную свободу въ выборѣ содержанія для картинъ. Существуетъ указаніе, что Венеціановъ въ 1812-омъ году рисовалъ каррикатуры на французовъ. Однако утверждать этого нельзя, такъ какъ произведенія этого рода, приписываемыя Венеціанову, совершенно не характерны для его творчества. Достоверно мы знаемъ, что онъ въ это время продолжалъ копировать картины Эрмитажа. Изъ нихъ больше всего ему пришлось по сердцу бытовые картинки голландскихъ художниковъ, изображающія сцены изъ народной жизни. Старательно подражая художественнымъ прие-

мамъ голландцевъ, онъ сталъ писать по ихъ типу сцены изъ русской народной жизни, среди русской природы. Воплиѣ понятно, что при подражаніи иностраннымъ образцамъ, картины эти выходили у Венеціанова не живыми, не правдивыми и даже не русскими. Русскіе парни были похожи, по выраженію Бенуа, „на переодѣтыхъ Антиноевъ“, а пейзажи были „совсѣмъ такъ-же красиво законченными, такъ же ни на что живое не похожими, какъ фоны на фламандскихъ портретахъ“.

Это мучило и самого художника, и заставляло его сомнѣваться въ правильности своихъ впечатлѣній объ искусствѣ; онъ жадно искалъ разрѣшенія своихъ сомнѣній, и, наконецъ, неожиданно нашелъ его въ картинѣ французскаго художника Гранэ.

Самъ Венеціановъ такъ рассказываетъ объ этомъ важномъ моментѣ въ своихъ художественныхъ исканіяхъ: „Въ 1820-омъ году, явилась въ императорскомъ Эрмитажѣ картина: внутренность храма-костела, писанная Гранетомъ (Granet). Сія картина произвела сильное движеніе въ понятіи на-

шемъ о живописи: мы въ ней увидѣли совершенно новую часть ея, до того времени въ цѣломъ не являвшуюся. Увидѣли изображеніе предметовъ не подобное или точное только, а живое; не писанье съ натуры, а изобразившуюся самую натуру... Увидѣли въ ней то, чѣмъ очаровывалъ насъ въ декораціяхъ великій художникъ Гонзаго. Нѣкоторые артисты увѣряли, что въ картинѣ Гранета изысканное освѣщеніе и фокусъ освѣщенія причиною сего очарованія... но что полнымъ свѣтомъ, прямо освѣщающимъ, никакъ невозможно произвести сего разительнаго оживотворенія предметовъ, ни одушевленныхъ, ни вещественныхъ. Я рѣшился побѣдить кажущуюся невозможность! Уѣхалъ въ деревню и принялся работать. Для успѣха въ этомъ мнѣ надобно было совершенно оставить всѣ правила и манеры, двѣнадцатылѣтнимъ копированіемъ въ Эрмитажѣ пріобрѣтенныя, и приняться за средства, употребленныя Гранетомъ... И они мнѣ открылись въ самомъ простомъ видѣ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы ничего не изображать иначе,

Г У М Н О

какъ только въ натурѣ что является, и повиноваться ей одной безъ примѣси манеры какого бы то ни было художника. То-есть, не писать картинъ *à la Rembrandt*, *à la Rubens*, но просто, какъ бы сказать, *à la natura*“.

За этотъ выводъ, сдѣланный послѣ долгихъ лѣтъ труда, размышленій и сомнѣній, Венеціановъ ухватился со страстной вѣрой и убѣжденностью. Вся его послѣдующая дѣятельность сводится къ тому, чтобы развить, укрѣпить и распространить черезъ своихъ учениковъ этотъ свой взглядъ на искусство.

Съ 1820-го года онъ вышелъ въ отставку и затворился, вмѣстѣ съ семьей, въ незадолго до того купленномъ сельцѣ Сафонковѣ, Тверской губерніи. Здѣсь онъ исключительно занялся искусствомъ. Прежде всего онъ рѣшилъ примѣнить на дѣлѣ свой новый принципъ, и сталъ писать картину Гумно (стр. 9). Для того, чтобы списать внутренность гумна со стороны противоположной входу въ него, художникъ приказалъ выпилить заднюю стѣну и выпол-

нилъ всю картину съ натуры съ фотографической точностью.

Просторное, тщательно выметенное и прибранное гумно залито тѣмъ коричневато-золотистымъ, разбѣяннымъ солнечнымъ свѣтомъ, который бываетъ въ деревянныхъ сараяхъ лишенныхъ оконъ, когда лучи пробиваются сквозь щели и свѣтлой полосой льются въ дверь. По бревенчатымъ стѣнамъ развѣшаны хозяйственные принадлежности. На полу живописно положена метла. Въ глубинѣ видны запряженные лошади, около которыхъ возятся мужики. Въ лѣвомъ углу, на переднемъ планѣ, въ позѣ обувающейся, посажена баба. Немного вглубь справа—группа будто-бы отдыхающихъ крестьянъ. Во всѣхъ фигурахъ и лицахъ этой картины, иногда довольно типичныхъ, чувствуется какая-то неестественность, напряженность, нарочитость. Художникъ самъ чувствовалъ какой-то недостатокъ въ своей картинѣ, такъ какъ писалъ о работѣ надъ Гумномъ слѣдующее:

„Должно сознаться, что двѣнадцатилѣтняя